

УДК 882

**РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ РАЗДУМЬЯ Л. М. ЛЕОНОВА
В РОМАНЕ «ПИРАМИДА»**

© В. А. Петишева

*Башкирский государственный университет, Бирский филиал
Россия, Республика Башкортостан, 452455 г. Бирск, ул. Интернациональная, 10.*

Тел.: +7(34784) 4 04 70.

Email: kira-02@mail.ru

В статье исследуется религиозно-философская позиция Л. М. Леонова в итоговой книге «Пирамида», изучается ведущая тема романа – противостояние Добра и Зла, утверждается мысль писателя о необходимости возрождения религиозно-нравственных координат в духовной жизни русского народа.

Ключевые слова: философские размышления писателя, религиозный характер романа, Серебряный век, мифологические и библейские мотивы и образы, борьба Добра и Зла, роман-наваждение, поэтический строй.

Роман «Пирамида» – результат многолетних нравственно-философских исканий Л. Леонова. Итоговый характер книги обусловлен не столько тем, что это последнее произведение писателя, сколько развитием в нем главных леоновских мотивов, конфликтов и образов, а также дальнейшим совершенствованием способов и приемов художественного познания мира и человека. После «Пирамиды» все вышедшие ранее романы прозаика выглядят подступами к главному осуществлению, очередными этапами его воплощения.

В «Пирамиде» последовательно развиты художественно-философские предпосылки Л. Леонова, проявившиеся в авторских рассуждениях о теории всеединства, русском космизме и русской идее, о евразийстве и западничестве, христианстве и православии; в мифопоэтической образности книги; в пристальном внимании романиста к архетипам и сюжетам религиозно-философской направленности; в мощном эсхатологическом звучании романа, характерном для всей литературы конца XIX – начала XX вв. «Русская философия не умерла, – писал А. Павловский, – вместе с Серебряным веком, когда она лишилась и Шестова, и Лосского, и Франка, и Бердяева, а затем Флоренского, Карсавина и нескольких других крупнейших представителей философской мысли, – она не умерла, потому что ушла, как в катакомбы, в художественную литературу <...> религиозно-художественный Ренессанс начала столетия дал совершенно особый тип философа, очень близкий по своей природе художественному таланту Л. Леонова. Это был философ-писатель, у которого философская или логическая категория чаще всего выражалась через образ, и лишь постепенно этот образ, метафора порождали понятие» [1].

Мотивный и интертекстуальный анализ итогового романа Л. Леонова выявляет органическую связь эстетической системы писателя с духовными исканиями литераторов рубежа XIX – XX вв. Обращение романиста к духовно-этической стороне жизни русского человека в 20-е годы прошлого

столетия, вне сомнения, проходило под влиянием классических традиций. Тема религии «<...> как возвращение к духовным корням человечества <...>» [2] занимала Л. Леонова на протяжении всего литературного пути. Во многих произведениях начального и последующих творческих периодов прозаик показал, как рушились вековые устои нравственности и сложившиеся народные обычаи, как выкорчевывалась вера в Бога, предвещая неизбежную гибель гармоничного крестьянского мира. В содержании «Пирамиды» эта мысль превалирует. Автор был убежден, что социальные и моральные изменения в обществе возможны ненасильственным путем при условии сохранения и укрепления духовности, нравственных ценностей народа.

В заглавии книги, ее подзаголовке «Роман-наваждение в трех частях» и структуре кроется ключ к пониманию жанровой специфики «Пирамиды» и одной из главных проблем произведения – изображению бытия в соотносительности его разомкнутых Начал. В трех частях романа – «Загадка», «Забава» и «Западня», – повествующих о реальных событиях земной жизни и фантазмагорически inferнальном мире, автор и близкие ему герои вопрошают: к чему приведет разрушение духовности и культурных памятников? Какова роль небесных сил в устройстве миропорядка на земле? – в первой части; каков итог забавы человека, отвергнувшего высшие идеи ради временных, проходящих? Можно ли вернуться к Богу? – во второй части; удастся ли русскому человеку – жертве наваждения – выйти из западни, и какой ценой оплатит он свое блуждание по лабиринтам бездуховности? Каково будущее России, пережившей разрушительную эпоху эксперимента и оказавшейся в ловушке? – в третьей части.

На жанровой специфике «Пирамиды» сказались широкие отступления автора (общественно-политические, морально-этические, философские и религиозно-нравственные), наличие в романе реального и ирреального планов, использование приемов художественной фантастики, экскурсы в по-

тусторонние миры, абсурдность ряда конфликтов и поступков героев. Все это делает книгу фантазмагорическим произведением. «В романе «Пирамида», – писал А. Павловский, – весь видимый, чувственный, предметный – людской и пейзажный – мир заметно деформирован и постоянно балансирует на грани условности – фантазмагии и гротеска. Только в такой форме, заметно отдаленной от традиционного реалистического письма, писателю удается более-менее адекватно запечатлеть зыблющийся образ мира, обреченно подходящего к концу тысячелетия и как бы уже повисающего над пропастью, лишь по привычке и близорукости именуемой Будущим» [3].

Заметим, что приемы абсурдизации, широко применяемые в книге, способствуют созданию иллюзорности бытия, романтического ощущения жизни. Фантазмагорическое воображение автора позволило ему оригинально скомбинировать элементы жизненного опыта, создать картины и образы, не существующие в действительности, представить наблюдаемое в новых неожиданных связях и сочетаниях, наконец, сформировать у читателя концепции мира и духовной личности, исходя из авторских представлений.

Содержание «Пирамиды» – богатое и разнообразное. (Писатель, говоря о романе, заметил: «Это из литературы XXI века» [4]). В основание книги положены религиозно-философские проблемы, к которым Л. Леонов обращался на протяжении всей творческой жизни. «Программным» для прозаика следует считать рассказ «Уход Хама», сюжетным ядром которого стал библейский миф о всемирном потопа – дохристианском «конце света». Центральная фигура рассказа – младший сын Ноя Хам, – который в отличие от братьев Сима и Иафета нарисован мятежным правдолюбом, предположил, что не Бог, а его Отражение с помощью солнца и воды сгубило все живое. Впечатляют картины всемирного потопа: повсюду плыли разбухшие тела людей, «<...> каждое к своей судьбе. Все мертво кругом, кроме рыб, которые затаились в страхе, будто умерли <...> Много озер образовалось по земле. Они гнили, но отражали голубой блеск, а вся земля была сера и зелена, потому что омертвела» [5]. Бескомпромиссность сына вызвала гнев уличенного Ноя – потомка Адама и правнука Еноха, – и «он проклял Хама, как Отец землю в дни ковчега <...>» [6, с. 142].

Дальнейшее развитие религиозно-философских проблем Л. Леонова произошло в «Воре». Глубокие раздумья романиста о сущности человека и его предназначении выражены в многочисленных притчах, авторских отступлениях и вставных конструкциях философской книги об истории, о социальном прогрессе и революции, о религии и нравственности, науке и культуре, о райских кущах, об Адаме и Еве, о Боге и сатане и др. Они определили жанровую специфику и структуру романа, систему

его образов, язык и стиль. В «Воре» поставлены кардинальные вопросы мироустройства: как долго можно быть свободным от Бога и какова цена свободы без Бога?; автор отметил парадоксальность бытия («<...> ценность человеческой жизни обратно пропорциональна величию идеи, государства, эпохи, человеком же и созданных. «Чем чего больше, то всегда мельче и дешевле <...>» [5, с. 490]; показал противоречивость пути человека («<...> не взбунтовались бы когда-нибудь <...> людишечки: довольно, скажут, нам клетку этой самой цивилизации для себя соорудить все тесней да строже <...> позволяет нам наука в бездну заглянуть, да она же и скинуть нас может... да еще в какую бездну!» [5, с. 151].

В романе «Пирамида» Л. Леонов, соотнося историю и современность, изображая нынешнего и будущего человека, прибегал к ассоциациям и аналогии, широко использовал мифологические мотивы и образы. Миф для писателя – это универсальная синкретическая форма мышления, объединяющая в себе субъективное и объективное, единичное и общее, идеальное и реальное, реальное и фантастическое, а также способ непосредственного восприятия мира. Художник по этому поводу писал: «<...> Любой, на моржовом клыке нацарапанный миф является равноправным уравнением с тем еще преимуществом, что алгебраическая абракадабра заменена там наглядной символикой простонародного мышления» [5, с. 561]. Пирамида романиста как поэтический образ и ее множественные зеркальные отражения – социальная пирамида, нравственная, духовная, религиозно-философская, конкретно-чувственная, небесная – это тоже миф о непознанной сущности человека, многомерности мира и путях открытия иных форм жизни, ее иррациональных качеств.

Ведущая тема «Пирамиды» – борьба Добра и зла. Добро в романе олицетворяют идеалы Бога и герои – носители божественного духа – о. Матвей, дьякон Никон Аблаев, ангел Дымков и др. К Всевышнему устремлены взоры детей старшего Лоскутова – праведной Дуни, предсмертно прозревшего Вадима, «оступившегося» Егора. Сострадая людям, на долю которых выпало непостижимое горе, старо-федосеевский поп приходит к парадоксальному выводу, что в мире существует два равноправных Начала, и Бог потакает второму. Матвей Лоскутов открыто сказал об этом во время беседы с домохозяевами: «<...> Никто не посмел прервать его, – отметил повествователь, – когда он под предлогом защиты Всевышнего косвенно обвинил его в прямой потачке торжествующему Злу <...>» [6].

Носители божеских истин высказывают предположение о готовящемся примирении Творца и дьявола, «<...> восстановлении небесного единства, порушенного разногласиями при создании Адама» [6, с. 607], и устранении предмета раздора – человека. «Миллион лет спустя, – рассуждал Филу-

метьев, беседа с Вадимом, – когда для вновь появившейся планеты будет проектироваться новая раса, достойная вечного жительства в том оазисе вечной праздности, будет учтена неудача предыдущей, нашей <…> для которой, несмотря на литургические взлеты духа, тяга земная, могильная, оказалась много сильнее небесной <…>» [6, с. 237].

Важное место в структуре книги занимает притча о правде, рассказанная странником Афинагором, которую в обличье человека сильные мира скрыли от народа, заточив в подземелье. Тогда спросил Господь у стражников: «Интересно, кого же вы, голубчики, и от кого охраняете? Людей от правды или самую правду от людей?» [6, с. 279]. И велел Бог освободить пленницу. Выпущенная на свободу, «святая, нагая, бесстыжая, прекрасная <…>» [6, с. 279], правда тут же набросилась на лжецов, «<…> вмиг целую шеренгу передовых марксистов слизнула дочиста. Как начала она их лущить, по сей день лютует <…>» [6, с. 280]. Так случилось в притче, в реальной жизни все обстояло иначе. В угоду власть предержащим повсюду господствовали ложь и беззаконие. Не потому ли «временами и вдруг одолевала о. Матвея срочная надобность выяснить – слышат ли там, в небесах, что творится на святой Руси?» [6, с. 57].

В романе много выразительных картин о насилии над личностью, эпизодов жестокого разрушения привычного жизненного уклада народа, его нравственных и духовных святынь. В числе ярких примеров можно назвать отречение дьякона Аблаева и его смерть; жизнь попа Афинагора, бежавшего из разгромленного монастырька в зауральской глуши; разрушение нижекожемской церкви «корчевателями медных языков»; уход о. Матвея ради спасения семьи, его физические и духовные лишения – «Загадка»; трагическая судьба «выломившегося» Вадима Лоскутова и его апокалипсис; беседы Матвея Лоскутова с Шатаницким и Вадима – с Никанором о человеке, вере и космосе – «Забава»; рассказ египтолога Филуметьева; версия Шамина об эпилоге человечества и сцены его возрождения; трагедия комиссара Скуднева; монолог диктатора – «Западня» и др.

Священник Лоскутов наделен качествами леоновских праведников: Катушина («Барсуки»), Пчхова («Вор») и Глухова («Русский лес»). Отец Матвей пользуется уважением прихожан, увлекая их верой в божественную идею и ее сакральность. Примером тому может служить эпизод прощальной встречи отца с «блудным» сыном. Во время беседы старший Лоскутов советует первенцу, чтобы тот укрывался от бури, сметающей Добро, и преклонялся перед божественной правдой. «При бывалошних-то гонениях, вспомни-ка, – поучал отец Вадима, – какие темницы ключом веры растворялись, узы какие разрубались мечом смирения <…> С Богом не мудри, памятью, что сказка должна быть страшная, сабля вострая, дружба прочная,

вера детская» [6, с. 500].

Истина и правда, считает Матвей Лоскутов, должны жить в душе каждого человека. О них не следует разглагольствовать, их нужно утверждать в жизни благими намерениями и поступками. Характерно, что батюшка никогда не расставался с Христом, даже в тот момент, когда обезумевшие люди покидали Бога: «<…> Они сами, – писал автор, – всем табором уходили от обременительной Христовой опеки в некую обетованную даль» [6, с. 416].

Матвей Лоскутов – духовно богатая личность; он сосредоточенно ищет заветную «мечту» или высочайшую правду, он «заболел» проблемой о роли христианства в пору российского безбожия и стремится разобраться в «бесовщине», которая захватила людей, узнать, «<…> на ком лежит вина разрыва русского Бога с Россией» [6, с. 225]. Долгие годы о. Матвей прожил среди вятских крестьян, и потому воспринимает мир их глазами. В его речи часто встречаются просторечные, фольклорные образные выражения – пословицы, присловья и поговорки, присказки и притчи. Например, «сапожной иглой злата не добудешь»; «чем чернее грех, тем плодоноснее покаяние»; «на конфетке далеко не укачишь, без ней и обойтись легко»; «вера благоговейно обходит тайнички, не поддающиеся лукавым отмычкам ума» [6, с. 58, 288, 318, 595]; «смерть человека диктуется усталостью глины, а не души»; «голые приходим в мир, голые уходим без ничего»; «солнышко светит мне вполнакала, и всякая пища для меня – словно прошлогоднюю газетину жуешь» [6, с. 237, 267, 500–501]. Сельский священник, утверждая божественную истину, часто прибегает к эзопову языку как единственной возможности «<…> выразить запретную мысль в условиях того времени. Примечательно, что от большинства лоскутовских афоризмов тянутся нити к основным сюжетобразующим мотивам «Пирамиды», которые в свою очередь переключаются с притчей батюшки о бездне и представленной им в простонародной интерпретации библейской легендой о праведнике Иове» [7].

Л. Леонов постоянно говорил о необходимости возрождения религиозно-нравственных координат в духовной жизни русского народа. В частности, на вопрос Т. Земской: «Как вы относитесь к тому, что в последнее время в обществе необычайно возрос интерес к религии?» – писатель ответил: «Я это предсказывал в личных беседах с друзьями. Правда, думал, что период этот наступит по ту сторону тысячелетия, а начался он гораздо раньше. Значит, возникла потребность, высокая потребность самоочищения, приведения хаоса в порядок» [8].

Несмотря на то что Л. Леонов не был ортодоксальным христианином, религиозно-христианские мотивы в его творчестве всегда занимали много места. Эти тенденции, как отмечалось выше, с особой силой проявились в манере метафорического

повествования в «Барсуках» (Семен Рахлеев и Степан Катушин), в «Воре» (Емельян Пчхов и литератор Фирсов), в «Соти» (скитские монахи и обыватели Макарихи), в «Русском лесе» (набожные крестьяне и Калина Глухов) и других произведениях. В художественной системе «Пирамиды» религиозная тема превалирует в содержании, но она рассматривается с новой стороны. Писателя занимают в книге не только вера в Христа, но и истоки ее крушения, причины людского грехопадения. Ответ на эти проблемы Л. Леонов искал и находил в канонических библейских текстах и отреченной литературе.

Автор «Пирамиды» с большим вниманием относился к апокрифам, в которых излагались осуждаемые церковью библейские истины и жития святых, – у писателя много реминисценций Ветхого и Нового Завета, скрытых цитат, аллюзий, отсылок к древним текстам. Согласно славянским апокрифическим легендам, первопричиной разрыва между Богом и человеком было поведение Сатанаила (в дуалистической космогонии Сатанаил – противник бога-демиурга). Первое звено всей картины грехопадения – ангельский мятеж. (В романе сцена небесного раскола излагается устами Шатаницкого – непосредственного участника доисторического события). Затем «<...>» был произнесен общеизвестный приговор проклятья, обрекавший людей на кочевое скитанье по безбрежной целине без топора, сохи и прялки и дальше в туман зловещей неизвестности «<...>» [6, с. 135].

Религиозно-философские и библейские мотивы книги неотделимы от публицистических размышлений автора о времени и истории, о народе и российском государстве. Неожиданные повороты в судьбе России всегда обнажали проблемы сущности и предназначения человека, его духовно-нравственного и социального переустройства; в 20-е годы прошлого века они волновали Дмитрия Векшина, который заявил, как герой Ф. Достоевского: «И мне шагу теперь нельзя ступить, пока я точного решенья себе не вынесу... потому что отсюда главный план мой вытекает на тыщу лет вперед, в каком направлении нам, Векшиным, двигаться, чего добиваться? А то при послушании да соответственном энтузиазме такого можно наковырять, что и в сто веков не разделаешь «<...>» [5, с. 350]. Вопросы нравственности словно наваждение стояли перед героями «Пирамиды» – о. Матвеем, Вадимом, Дуней, Алешей и другими, оказавшимися по воле рока «н а к р а ю

в р е м е н и » [6, с. 611].

Близкие писателю герои, размышляющие вместе с автором над вопросами: почему Бог, сотворив разумного человека, сделал его смертным? В чем смысл божественного дара? – напоминают Ивана Вихрова, который, несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства, пытался познать загадки и шифры природы: «<...> Чудо не противоречит природе, – истолковывал ученый на свой лад реченье Августина, – «<...> чудо противоречит лишь тому, что мы о ней знаем «<...>» [6, с. 32]. Иван Матвееч понимал альтернативу прогресса: «<...> Либо в братскую могилу валиться пора человечеству, – говорил он, – либо искать новую тропу... а то иной раз немножко и совестно становится перед скотами, которых мы едим» [5, с. 517].

Содержательная емкость «Пирамиды», ее глубоко полемический характер напрямую зависят от авторской концепции реального человека, который наделен художником пытливым умом, высокими нравственными идеалами, богатым внутренним миром, способностями раскрывать тайны бытия и понимать конечную цель обитания на земле. Человек-наваждение изображен конструктивно несовершенным, жалким, одиноким и бранным; он, блеснув один раз на вечном небосклоне, бездумно торопится «<...> воротиться в свою исподнюю пучину «<...>» [6, с. 249].

ЛИТЕРАТУРА

1. Павловский А. Звено разорванной цепи. (Феномен Леонова) // Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке. СПб., 2002. С. 6–7.
2. Султанова Ю., Петишев А. Традиции Ф. М. Достоевского в творчестве Л. М. Леонова // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. 2013. №4. Т. 2. С. 90–93.
3. Павловский А. Поэма начала и роман конца. (Роман «Пирамида» Л. Леонова и «Поэма без героя» А. Ахматовой) // Русская литература. 1999. №4. С. 69.
4. Оклянский Ю. Шумное захолустье: В 2-х книгах. Кн. 2. М., 1997. 350 с.
5. Леонов Л. Уход Хама. Собр. соч.: В 10-ти т. Т. 1. М., 1982. С. 139–490.
6. Леонов Л. Пирамида. Роман-наваждение в 3-х частях: В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 320.
7. Гусарова-Кузи В. Фольклорные пласты в романе «Пирамида» // Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке. СПб., 2002. С. 103.
8. Земская Т. Три интервью с Л. М. Леоновым. М. 1999. №5. С. 182.

Поступила в редакцию 09.09.2014 г.

RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL REFLECTIONS OF L. M. LEONOV IN THE NOVEL "PYRAMID"

© V. A. Petisheva

*Birsk branch of Bashkir State University
10 Internatsional'naya St., 452455 Birsk, Republik of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7(34784) 4 04 70.

Email: kira-02@mail.ru

"The Pyramid" of L. M. Leonov is novel of the warning, which Christian philosophical reflections heroes who deny human unbelief, their eschatological outlook on life at the threshold of the new millennium exacerbate the tragedy of human existence on earth without God. The book contains many cultural associations and historical analogies, fantastic and mystical paintings; it artificially complicated compositional and narrative structure violated chronology and cause-and-effect relationships. The author makes extensive use of mythological motifs and images, drawing on biblical studies, apocrypha, eschatological traditions, and other genres renowned literature. Poeticized myths were novel means of describing and explain-plain the world, contributing to the artistic reinterpretation of archetypal motifs of the Creator and angels, Satan, and the fatal quarrel started, the prodigal son and the golden age of civilization, of the miracle and ways of climbing to the stars, and others. The "Pyramid" tells us about religion and the 1917 revolution, freedom and authority, and the destruction of morality and loss of God. In the "Pyramid" has consistently developed artistic and philosophical background of the L. Leonov, who appeared in the author's reflections on the theory of unity, Eurasianism and Westernism, Christianity and Orthodoxy. On the specifics of the genre "Pyramid" said wide retreat of the author (socio-political, moral, ethical, philosophical, and religious and moral), the presence in the novel of real and unreal plans, the use of methods of artistic fiction, excursions into other worlds, the absurdity of a number of conflicts and the characters' actions. All of it makes the book a work of phantasmagoric. The author of "Pyramids" with great deal of attention to the Apocrypha, which spelled out the truths of the Bible by the Church and the lives of saints, so many allusions in the book of the Old and New Testament, hidden quotations, allusions, references to ancient texts. Religious-Philosophical and biblical books are inseparable from the journalistic reflection of the L. Leonov about time and history, people and the Russian state.

Keywords: *philosophical thoughts of the writer, the religious character of the novel, the Silver Age, mythological and biblical themes and images, the fight between good and evil, novel-obsession, poetic structure.*

REFERENCES

1. Pavlovskii A. Poetika Leonida Leonova i khudozhestvennaya kartina mira v XX veke. Saint Petersburg, 2002. Pp. 6–7.
2. Sultanova Yu., Petishev A. Traditsii F. M. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2013. No. 4. Vol. 2. Pp. 90–93.
3. Pavlovskii A. Russkaya literatura. 1999. No. 4. Pp. 69.
4. Oklyanskii Yu. Shumnoe zakhlost'e: V 2-kh knigakh [Noisy Backwoods: in 2 Volumes]. Kn. 2. M., 1997. 350 c.
5. Leonov L. Ukhod Khama. Sobr. soch.: V 10-ti t. [Ham's Leaving. Collected Works in 10 Volumes]. Vol. 1. M., 1982. Pp. 139, 141, 490.
6. Leonov L. Piramida. Roman-navazhdenie v 3-kh chastyakh: V 2-kh t. [Pyramid. Obsession-Novel in 3 parts: in 2 Volumes]. Vol. 1. M., 1994. Pp. 320.
7. Gusarova-Kuzi V. Poetika Leonida Leonova i khudozhestvennaya kartina mira v XX veke. Saint Petersburg, 2002. Pp. 103.
8. Zemskaya T. Tri interv'yu s L. M. Leonovym [Three Interviews with L. M. Leonov]. M. 1999. No. 5. Pp. 182.

Received 09.09.2014.